

Воробей-путешественникъ.

ВОРОБЕЙ не шутя собирався въ отлетъ. въ теплые края, за синее море. По крайней мѣрѣ, еще съ конца лѣта онъ говорилъ объ этомъ всѣмъ и каждому и съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ всѣ на него дивились.

— Кончено, братцы, улетаю отъ васъ. Чѣмъ мы хуже перелетныхъ птицъ?.. Что ни годъ — за границу улетають, — а мы тутъ прозябай!.. Полечу и я, посмотрюсь диковинъ да чудесъ всякихъ вволю!..

— Ахъ, какой храбрый!.. — удивлялись куры, когда воробей трещалъ объ этомъ, прыгая около кормушки, — и вы не боитесь летѣть такъ далеко?..

— Вотъ новости!.. Да чего же бояться, помилуйте!.. — важничалъ воробей. — Разъ-разъ —

и готово!.. При моей-то силѣ да ловкости—это сущіе пустяки!..

— Нѣтъ, это, говорятъ, очень далеко, и летѣть трудно...

— Кто умѣетъ—тому не трудно!..—хвасталъ воробей.—Я еще ихъ всѣхъ опережу...

— Ахъ, воробей, воробей!..—качалъ головой старый Султашка,—и откуда въ тебѣ этой похвальбы столько?.. Самъ съ березы на заборъ,—порхъ-порхъ и сѣлъ. А туда же, за тридевять земель собираешься...

— Много ты понимаешь,—кричалъ на него воробей,—завалился тутъ въ конурѣ,—ему и ладно,—хоть весь міръ гори... А я—птица любознательная. Мнѣ все можно повидать,—а тѣмъ болѣе, что это такъ легко устроить...

— Что за отчаянный у насъ воробей,—удивлялась дворовая мышь,—и говорить, и смотреть настоящимъ орломъ.

Васька-котъ, какъ всегда, ничего не говорилъ, и у него нелзя было понять, какъ онъ смотритъ на это дѣло. Зато старая надворная ворона была скорѣе согласна съ Султашкой.

— И все-то вретъ воробей,—каркала она,—никуда онъ не полетитъ. И гдѣ ему!.. Вотъ на скирдъ забратъся,—это его дѣло, либо на конопель слетать. А то—за синее море!..

Воробей такъ разсердился, что даже принялся ломать свое гнѣздо подъ застрѣхой.

— Видите?—кричалъ онъ,—даже квартиры за собой не оставляю...

Одно только смущало воробья,—съ кѣмъ летѣть?

Съ журавлями—скучно больно: все курлы-курлы, этакъ съ тоски помрешь. Съ ласточками летѣть,—очень ужъ тихо онѣ летаютъ...

— Тебѣ бы тройку лошадей, какъ нашему барину, подать. Въ самый бы разъ воробью по морю ѣхать,—потѣшался старый Султашка.

Воробей на прощанье чуть не поцарапался съ нимъ...

На утро проснулись всѣ,—а воробья нѣтъ. И день, и два—нѣтъ и нѣтъ...

— Видно, и впрямь улетѣлъ,—сказалъ Султашка,—вотъ сумасшедшій воробей!..

А на третій день—глядь-поглядь,—скачетъ воробей, какъ ни въ чемъ не бывало, около кормушки, кормъ курицѣй клюетъ, съ курами ссорится...

— А, братъ воробей!.. Откуда?.. Аль изъ-за моря вернулся?..—удивился Султашка.

— Что, старикъ,—говорить воробей,—только съ версту отлетѣлъ,—баринъ нашъ ѣдетъ:—«Куда, воробей?»...—«За теплыя моря!»...—«Ахъ, какъ далеко,—говорить.—А какъ же я-то останусь? Нѣтъ, ужъ, пожалуйста, не улетай!»...—Дальше лечу,—мужикъ пашетъ:—«Куда, воробей?»...

— «За сине море!»...—«Эхъ, говорить,—а насъ на кого покидаешь?»...— Ну, не выдержалъ, махнулъ крыломъ: оставаться, такъ оставаться!.. И то правда,—на кого село родное бросишь? Сколько лѣтъ вмѣстѣ жили, другъ-другу помогали,—нехорошо теперь бросать друзей-пріятелей!..

Слушаютъ воробья, помалкиваютъ, будто вѣрятъ, а воробью только того и надо...

Ужъ по веснѣ, какъ прилетѣли скворцы,—сейчасъ же справились:

— А гдѣ у васъ тутъ воробей такой озорной, что съ нами въ отлетъ собрался осенью? Живъ еще?

— Что ему дѣлается,—говорять.

— Да онъ вовсе глупый воробей. Собрался съ нами летѣть, всѣхъ торопилъ, торопилъ,—а до тѣхъ вонъ ветель долетѣлъ и задохся,—отдыхать собрался. Мы его, было, тащить. упирается. Камнемъ на землю палъ,—и не ворохнется!..

— Ну, это нашъ воробей,—сказалъ Султанка,—по всѣмъ примѣтамъ,—нашъ!.. А чего онъ насказалъ-то о ту пору,—слушать тошно!..

А воробей скачетъ по двору, будто это его не касается, и вслухъ дивится:

— И чего это у насъ скворцы стреко-чуть?.. Видно, къ дождю!..

А. Федоровъ-Давыдовъ.